

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ СОЦИАЛЬНОСТИ И ФЕНОМЕН МАРГИНАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА ТЕХНОГЕННО-КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

HISTORICAL TYPES OF SOCIALITY AND THE PHENOMENON OF MARGINALIZATION IN THE CONTEXT OF THE SYSTEMIC CRISIS OF TECHNOGENIC-CAPITALIST CIVILIZATION

V. Skopa
A. Frolov
S. Shcherbakova

Summary: The article examines the phenomenon of sociality as the integration of an individual into a social organism. The authors analyze the problem of sociality deformation occurring in the context of the systemic crisis of technogenic-capitalist civilization. Among the main manifestations of such deformation, the authors include the process of marginalization, which acquires a total character in a society related to this civilization. The article examines the levels of marginalization characteristic of modern society and substantiates its assessment as one of the main obstacles to constructive social development.

Keywords: historical type of sociality, marginalization, systemic crisis, technogenic civilization, personality.

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естествознания, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Фролов Анатолий Серафимович

доктор философских наук, профессор, профессор, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

Щербакова Светлана Викторовна

Аспирант, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

Аннотация: В статье рассматривается феномен социальности как интеграции отдельной личности в общественный организм. Авторы анализируют проблему деформации социальности, происходящей в контексте системного кризиса техногенно-капиталистической цивилизации. К числу основных проявлений такой деформации авторы относят процесс маргинализации, приобретающий в отношении к данной цивилизации обществе тотальный характер. В статье исследуются характерные для современного социума уровни маргинализации и обосновывается её оценка как одного из основных препятствий на пути конструктивного общественного развития.

Ключевые слова: исторический тип социальности, маргинализация, системный кризис, техногенная цивилизация, личность.

Содержание социально-философских категорий, составляющих фундамент картины общественного мироустройства, не является статичными, а меняется вместе с развитием социальной реальности. Эта динамика особенно характерна для переходных исторических эпох. Именно такую эпоху, связанную со стремительно углубляющимся системным кризисом техногенно-капиталистической цивилизации, переживает современное человечество.

Одной из проблем, имеющих большое теоретическое и практическое значение в этом перечне, принадлежит проблеме социальности как исторического феномена, включая особенности её современного развития. Рассматривая социальность в качестве предмета социально-философской рефлексии, можно определить её сущность как включённость индивида в сложное, многомерное пространство социальной реальности. В таком смысловом контексте базовым критерием для выделения исторических типов социальности является тип детерминации процесса интеграции личности в социальное целое. В соответствии

с этим критерием марксистская социально-философская классика выделяет три базовых исторических типа социальности.

Первый основан на абсолютной зависимости личности от социума. Такой тип известен в двух вариантах: один из них существовал в доцивилизационной архаике, в доклассовом первобытном обществе. Другой вариант, утвердившийся с возникновением частной собственности, характерен для двух её форм - рабовладельческой и феодальной. Здесь личная зависимость осуществляется не посредством анонимных общественных сил, а с помощью посредников - в лице собственников - рабовладельца и помещика. Общим в этих двух вариантах является фактическое подавление личной свободы человека. Родившийся на основе трансформировавшейся частной собственности капитализм, жизненно необходимым условием развития которого является свободный наемный работник, принципиально изменил содержание социальности, поставив в её новом, втором типе на место юридически закрепленной личной зависимости зависимость экономическую, «вещную».

Социально-философский взгляд классического марксизма на историческое развитие предполагает, что новая общественно-экономическая формация, основанная на общественной собственности, создает условия для принципиального изменения механизма интеграции человека в социальное целое. В третьем типе социальности, соответствующем природе данной формации, место «вещной» зависимости и экономической необходимости занимает свободная реализация человеком своих сущностных сил и творческих способностей. Детерминация индивида внешними факторами заменяется самодетерминацией [4, с. 150]. Этот тип получил и психологическое обоснование в лице учения А. Маслоу о самоактуализации.

Объективное исследование проблемы исторической типологии социальности невозможно осуществить, ограничивая процесс интеграции индивида в общество практико-экономическим аспектом. Как отмечал А.С. Панарин, «экономические отношения сами по себе не сплачивают людей» [6, с. 190]. По мнению этого глубокого аналитика современных процессов общественного развития, самой мощной объединяющей силой, обладают духовные ценности. «Для того, чтобы объединиться в собственно человеческом смысле, - утверждал философ, - людям надо иметь общую духовную собственность – те ценности, которые их объединяют без принуждения и которые они готовы сообща защищать» [6, с. 191]. Философский взгляд на природу духовности дает основание утверждать, что высказанная выше позиция вовсе не является результатом легковесного романтизма в оценке духовных ценностей как средства социальной интеграции и солидаризации. Действительно, материальное, телесное, взятое «само по себе», как объект, всегда имеет жесткие границы в пространстве и времени, оно - всегда «здесь» и «сейчас». А потому своими границами оно противостоит другому объекту.

Социальная философия классического марксизма построила типологию социальности задолго до начала вступления наиболее развитых стран в постиндустриальную стадию развития. Накопившийся за многие десятилетия второй половины XX и начала XXI вв. эмпирический материал, отражающий бытие общества, принципиально трансформировавшегося под воздействием науки, новых технологий и коммуникативных процессов, дал основание сторонникам неклассического понимания социальной реальности для существенной корректировки характеристики социальности. В новом её толковании акцент делается на различных ранее не проявлявшихся чертах. Все эти черты, в конечном счете, ведут к новому пониманию роли личности и субъективного фактора в развитии социальной реальности. Подчеркивая взаимосвязь этих двух явлений, В.Е. Кемеров отмечает: «Проблема субъективности постепенно превращается в проблему субъективности индивидов как силы и формы развития социальности» [5, с. 96].

Вместе с тем, будучи в целом обоснованной, эта позиция, взятая вне корреляции с конкретно-историческими условиями, может породить иллюзию форсированного утверждения в современном мире нового типа социальности, связанной со свободной творческой самореализацией личности. Напомним в этой связи замечание Р. Инглхарта и К. Вельцеля о том, что степень преобладания «ценностей самовыражения» над «ценностями выживания» зависит от уровня социально-экономического развития общества. По словам этих авторов, в большинстве стран за пределами Запада «отсутствие жизненной защищенности остается фундаментальным фактом действительности» [3, с. 206]. Поэтому новый тип социальности все еще остается делом в той или иной мере отдаленной перспективы. Даже в странах, вступивших в постиндустриальную стадию, в обществах с высокой политической активностью граждан, с развитыми институтами демократического контроля власти утверждение нового типа социальности, декларированного отечественными и зарубежными исследователями в качестве наличной реальности и связанного с самовыражением личности, является далеко не господствующей тенденцией общественного развития. Хотя, как утверждает, например, Р. Флорида, «на креативный класс, охватывающий представителей науки и технологий, искусства, СМИ и культуры, а также включающий в себя интеллектуальных работников и представителей самых разных профессий, приходится почти треть трудовых ресурсов на всей территории США» [9, с.7 - 8]. Тем не менее, трансформация этой тенденции в «мейнстрим», имеет строго определенные границы, обусловленные природой господствующих в мире транснациональных корпораций, глобального бизнеса. Действие этой природы на процесс утверждения нового типа интеграции личности в общество состоит в следующем: с одной стороны, категорический императив прибыли диктует необходимость повышенной динамики в совершенствовании технологий, что невозможно без создания условий для свободной творческой самореализации участников процесса производства продукта массового потребления. С другой, - этот же фактор предполагает жёсткую необходимость утверждение в качестве массового такого антропологического типа, который является «машиной желаний» и потребляющим агрегатом. Соединение в одной личности гипертрофированно выраженной интенции на материальное потребление и предельно высокой творческой, инновационной активности невозможно по определению, - подобно тому, как, по словам А.С. Пушкина, «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань». В итоге - в развитых западных странах тип социальности, в котором личность интегрируется в общественное целое свободной реализацией своего творческого потенциала, представляет собой не преобладающий, а строго локализованный в социальном пространстве феномен. Поэтому далеко не случайно в западной социально-философской литературе в пике оптимистической идее неотвратимого ут-

верждения нового типа социальности, высказывается противоположная по пафосу мысль – о «смерти», «конце социального». Продукт массового потребления как неустраиваемая основа капитализма предполагает массового потребителя, массу. Сущность же массы, как утверждает Ж. Бодрийяр, состоит в том, что она – «Черная дыра, куда проваливается социальное» [1, с. 16].

Анализируя проблему исторического развития социальности, нельзя не заметить принципиальных различий современного развития социальной реальности России и Запада. Однако совершенно очевидно, что и современный Запад и постсоветская Россия развиваются в едином формате техногенно-капиталистической цивилизации, переживающей глубочайший за всю свою историю системный кризис и уже прошедшей «точку невозврата» по дороге в небытие. Это фундаментальное начало, объединяющее две такие различные сущности в лице России и Запада, определяют наличие в них общих существенных и глубинных процессов и явлений, охватывающих все сферы общественного бытия. Есть все основания утверждать, что в качестве самого главного в перечне этих общих процессов и явлений выступает тотальная маргинализация общественного бытия.

В социально-философских и социологических исследованиях маргинальности определения сущности данного феномена, как правило, ограничиваются общей констатацией переходного характера, социальной и культурной безосновностью соответствующего общественного статуса. Так, например, российские социологи В.И. Добреньков и А.И. Кравченко отмечают: «Маргинальность – особое явление в социальной стратификации. Оно описывает положение больших социальных групп людей, занимающих положение «на границах», «на полях» или между стратами. Маргинал – это люди, покинувшие одну страту и не адаптировавшиеся к другой» [2, с. 392].

Феномен маргинальности является постоянным спутником человечества на протяжении всей его истории. Вместе с тем в контексте «фаустовской» цивилизации этот социокультурный феномен имеет существенную специфику, которая выражающуюся прежде всего в следующем: в отличие от предшествующих исторических эпох, в которых это явление имело строго локальное бытие, в границах современного развития техногенно-капиталистической цивилизации маргинальность приобретает глобальные масштабы и преобразуется в универсальный фактор, оказывающий всеобщее деформирующее воздействие на общество как органичное целое. Развёртывающиеся в «обществе постмодерна» по экспоненте процессы маргинализации, отрицающие абсолютные основы бытия, повсюду утверждают социальную и духовную энтропию.

На современном этапе системного кризиса техно-

генно-капиталистической цивилизации процесс маргинализации выражается не только в кризисе идентичности отдельной личности или социальной группы, но и в утрате собственной идентичности всеми сферами общественной жизни. В социально-философской литературе современного Запада этот ставший глобальным процесс, на наш взгляд, удачно обозначается понятиями «трансэкономика», «трансгуманизм», «трансэстетика» и т.д. [1, с. 82-116]. Основой этой утраты является приобретаемое патологическое, убийственное для биосферы характерное стремление мирового олигархата, транснационального капитала к росту прибыли. Экономика, утрачивая свою природу и назначение как область хозяйственной деятельности по удовлетворению естественных потребностей «человека разумного» трансформируется в противоестественное «искусство» самоценного накопления денег и обогащения, – искусство, которое Аристотель называл «хрематистикой». Аналогичные радикальные мутации происходят в остальных областях общественного бытия.

В социальной структуре этот процесс связан с разрушением характерных для общества «классического типа» больших устойчивых социально-профессиональных групп, вытеснением их «прекариатом», – совокупностью атомизированных индивидов, работающих в дистанционной форме неполный рабочий день и являющихся социальным аналогом компьютерно-информационного «облака», из которого крупный бизнес на условиях краткосрочного контракта, без социальных гарантий и обязательств черпает выгодный для него наёмный «материал». В этой связи, комментируя «появление мира, где доминирующей рабочей парадигмой является серия транзакций между работником и компанией, а не прочные взаимоотношения», современный идеолог ультраглобализма К. Шваб отмечает: «Сегодня «экономика по требованию» кардинально меняет наши взаимоотношения с работой и общественной структурой, в которую она встроена. Работодатели все чаще используют «человеческое облако» для решения вопросов. Профессиональная деятельность рассекается на точные задания и конкретные проекты, которые затем выносятся в виртуальное облако готовых исполнителей, расположенных в любой стране мира. Это новая «экономика по требованию», где поставщики труда больше не являются сотрудниками в традиционном смысле, а скорее могут считаться независимыми исполнителями конкретных заданий. (...) Поскольку облачные платформы определяют работников как индивидуальных предпринимателей, они (на сегодня) не обязаны выполнять требования по выплате минимальной заработной платы, налога на доход и социального обеспечения» [10].

Современное бытие техногенно-капиталистической цивилизации даёт масштабный практический материал для осмысления феномена маргинальности более пол-

ного, чем то, которое представлено современной социально-философской и социологической аналитикой. Обобщение этого материала позволяет выделить два основных формата маргинальности: личностный и социальный, связанных с деформацией идентичности общества в целом. В личностном формате онтология маргинальности обнаруживается в современном эмпирическом материале на трёх уровнях:

1. Уровень принадлежности личности к определённой социальной группе, то есть именно тот уровень, которым современные исследователи, как правило, ограничивают данное явление.
2. Уровень гражданства. Уровень гражданской причастности к определённому суверенному государственному образованию. На данном уровне феномен маргинальности обнаруживают существенные различия в зависимости от стран и регионов. Процессы маргинализации на этом уровне охватывают самые различные слои - от беженцев и мигрантов до лиц с «двойным гражданством» и олигархата, для наиболее «продвинутой» части которого, как для «граждан мира», статус гражданина давно фактически утратил какое-либо практическое значение и имеет чисто символический характер.
3. Антропологически-родовой уровень, являющийся самым глубоким. Этот уровень предполагает деформацию родовой идентичности человека, связанной с принадлежностью к роду *Homo Sapiens*. Данный уровень означает качественное искажение диалектикой сочетания в человеке телесно-материального и нравственно-духовного.

Указывая на неопределённость сущности человека как на свойство, отличающее его от животного, Е.Н. Трубецкой отмечал: «Человек не может оставаться только человеком: он должен или подняться над собой, или упасть в бездну, вырасти или в Бога, или в зверя» [8, с. 243]. То есть неопределённость человеческой сущности состоит в том, что формальная принадлежность человека к роду *Homo Sapiens* ещё вовсе не является личным статусом, возвышающим его над животными, а выступает лишь потенциальной возможностью, перевод которой в область реального предполагает громадный духовный труд. И главное здесь состоит в том, что в переломные периоды общественного развития происходит ускоренная поляризация людей в зависимости от вектора их движения по указанной философией вертикали. Как свидетельствует исторический опыт в такие исторические периоды в обществе происходит всплеск духовной пассионарности, увеличивается число тех, кто демонстрирует образцы героизма и бескорыстного служения обществу.

Вместе с тем, среди различных общественных групп активизируется и противоположная линия, - движение

вниз, «оживотнение» и десоциализация. Изучая социальную реальность начала XX века, которая активно развивалась и трансформировалась в направлении Первой мировой войны, Е.Н. Трубецкой говорил о «превращении человеческого общежития в усовершенствованного зверя» как о «господствующей в современной жизни тенденции» [8, с. 190]. Оценивая это время, философ отмечал: «Звериное начало утверждает себя как безусловное начало поведения, которому должно быть подчинено все в человеческой жизни» [8, с. 190].

Древняя мудрость гласит, что в обществе существует две основные беды - роскошь и нищета. В подтверждение этой истины процессы «оживотнения», десоциализации, наиболее глубоко охватывают именно эти две противоположные социальные группы, в которых создаются наиболее благоприятные условия для утраты родовой идентичности человека. Однако этот процесс, состоящий в утверждении асоциальности, «мауглизации» редукции человеческого бытия к телесно-материальному в данных противоположных группах - владельцев крупных капиталов и «новых бедных» осуществляется по-разному. Если в первой группе телесно-материальная редукция бытия является результатом свободного выбора, являющегося выражением установки на деньги, материальное богатство в формате роскоши как самоценности, то в группе, мало- и неимущих «оживотнение» выступает фактом вынужденным, навязанным неблагоприятными общественными процессами и факторами, в частности - деформированной узкокастовыми целями социально-экономической стратегией.

Уместно в этой связи напомнить идею А.С. Панарина об «асоциальности либерального рынка «чикагского образца» [6, с. 190]. «Современную либеральную идеологию, - подчеркивал пронизательный философ и социолог, - можно понимать как процедуру разложения всех обществ до уровня несвязанного одноклеточного состояния. Эту одноклеточность представляет либеральный индивид, порвавший все социальные связи и обязательства и выступающий в качестве носителя единственного интереса - своего частнособственнического» [6, с. 189]. Такие разрушительные социальные последствия радикального изменения экономических основ российского общества невольно обращают к одной глубокой мысли В.С. Соловьева, высказанной философом в связи с оценкой либерализма, который он считал аналогом анархизма. «Драматично по существу, - писал В.С. Соловьев, - всякое практическое утверждение чего-нибудь вне его должной связи или соотношения со всем. Так, когда частная, обусловленная и потому зависимая деятельность утверждается сама по себе, как безусловно самостоятельная и целая жизненная сфера, то такое утверждение, будучи в теории ложным, на деле безнравственно может породить только бедствия и грехи» [7, с. 407]. Именно такое безнравственное утверждение крупного частного

капитала в качестве безусловной самоценности, - вне соотнесенности с интересами социального целого, - является самой фундаментальной причиной многих проблем современной России.

Таким образом, преследующий эгоистические цели в ущерб интересам общества олигарх и человек, существующий на грани биологического выживания, представитель беднейших слоёв населения, - являясь, с одной стороны, социальными антиподами, с другой, - без малейших натяжек, в полном соответствии с научными критериями имеют общий статус маргинала - в его антропологически-родовом выражении.

В социетальном формате маргинальности, который деформирует идентичность социума как такового, можно выделить два уровня:

1. Первый уровень, связанный с начальной стадией «искривления» общественного пространства. На этой стадии утрата идентичности происходит в одной или нескольких областях общественной жизни.
2. На втором уровне деформируется все пространство общественного бытия.

В связи с социетальным бытием феномена маргинальности есть основания для утверждения о том, что в этом плане главное отличие постсоветской России от современного Запада состоит в том, что она находится на первом уровне, в то время, как в «западном мире» утрата всеми сферами общественного бытия своей идентичности, их маргинализация такова, что к этому процессу вполне может быть использована известная из русской классической литературы формула: «всё смешалось в доме Облонских».

Опирающаяся на концепцию человека как «потребляющего агрегата» и мутировавшая в «хрематистику» экономика, которая насыщает рынок чуждыми естественным, здоровым потребностям «человека разумного»; аморальная «этика» «трансгуманизма»; создающее реальную угрозу галопирующего движения к промискуитету утверждение нетрадиционной «креативности» в отношениях полов; воспевающее девиацию и уродство «искусство» и т.д., – всё это убедительные свидетельства социетальной маргинальности современного Запада.

Таким образом, эволюция современного техногенно-капиталистического мира дает основание для вывода о том, что масштабность процесса маргинализации в этом мире такова, что утверждение в нём типа социальности, связанного со свободной, лишённой факторов принуждения интеграцией личности в общественное целое посредством самоактуализации и творческой деятельности является делом крайне проблематичным. Более того, сегодня этому утверждению противостоит не только расширяющий пространство своего бытия феномен маргинальности, но и связанное с активными попытками мирового олигархата сохранить своё господствующее положение в мире настойчиво осуществляемое им в обществе свертывание пространства приватности и личной свободы. Вместе с тем современное человечество – с учётом достигнутого им научно-технологического уровня – может существовать и развиваться исключительно как единое и органичное целое. Обеспечение условий для такой социальной онтологии, по определению предполагающей необходимость утверждения нового типа социальности, является основной целью новой цивилизации, предпосылки которой уже созрели и которой авторы данной статьи надеются посвятить свою следующую публикацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Фантомы современности. М.: Алгоритм, 2015. – 272 с.
2. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Социология: В 3 т. Т 2: Социальная структура и стратификация. М., 2000, - 536 с.
3. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М., 2011. – 464 с.
4. Кемеров В.Е. Введение в социальную философию. М. 1996. – 215 с.
5. Кемеров В.Е. Общество, социальность, полисубъектность. М., 2012. – 252 с.
6. Панарин А.С. Народ без элиты. М., 2006. – 352 с.
7. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. Т. 1. М., 1988. – 892 с.
8. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1994. – 432 с.
9. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые делают будущее. М., 2007. – 421 с.
10. Шваб К. Четвёртая промышленная революция. 2016. – 138 с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru), Фролов Анатолий Серафимович, Щербакова Светлана Викторовна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»